

ков, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 49. – Ст. 6918.

¹¹ См.: Указ Президента РФ от 9 января 2011 г. № 26 «Об утверждении перечня приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 2. – Ст. 268.

¹² Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136–ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

¹³ См.: Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 261–ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 46. – Ст. 5557.

¹⁴ См.: Федеральный закон от 24.07.2002 № 101–ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3018.

Кузнецова Елена Николаевна*,
*доцент кафедры теории и истории
государства и права, международного права
ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет»,
кандидат юридических наук
(г. Самара)*

ИЕРАРХИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ И ДЕМОКРАТИЯ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Среди особенностей источников современного права – их иерархичность¹.

Иерархичность характеризует и такой источник права, как нормативно-правовой акт. «Этот формальный источник права, – пишут С.А. Дробышевский и Т.Н. Данцева, – присутствует во всех независимых политических обществах прошлого и настоящего. Правда, в одних таких социальных образованиях ему придается большая роль в правовом регулировании, а в других – меньшая»².

Иерархичность проявляется в разной юридической силе нормативно-правовых актов. Критерий юридической силы дает деление на законы и подзаконные акты. Законы и подзаконные акты также, в свою очередь, классифицируются по этому критерию. В связи с этим возникает вопрос об обстоятельствах, явлениях, способствующих разной юридической силе нормативно-

* © Кузнецова Е.Н., 2015

правовых актов. Решение этой проблемы неотделимо от проблемы происхождения права, его источников.

Как известно, исторически первым источником права у всех обществ был обычай. Что же касается нормативно-правовых актов, то в решении вопроса о времени их возникновения однозначность отсутствует. Это касается и отечественного права.

Т.Е. Новицкая видит нормативно-правовые акты уже в Древней Руси, отмечая, что они, «вероятно, регулировали отношения, не урегулированные нормами обычного права»³. Исследователь обращает внимание и на типичные названия таких принимаемых князьями актов – «устав», «покон». В число важнейших нормативно-правовых актов Древнерусского государства Т.Е. Новицкая включает договоры Руси с Византией (или Руси с Греками), Русскую Правду, церковные уставы, а также сборники церковных законов родом из Византии. При этом в отношении нормативно-правовых актов автор использует также термины «закон», «законодательство».

И.В. Минникес, судя по всему, исходит из более позднего происхождения нормативно-правовых актов. Об этом говорит констатация, что наряду с обычаями к XVI-XVII вв. сформировалась и новая группа источников – нормативно-правовые акты⁴.

Надо сказать, что термин «нормативно-правовой акт» не только в отношении древнерусского права, но и в отношении права XV-XVII веков, то есть права московского периода, часто не используется. В коллективном труде по истории государства и права России, например, термин «нормативно-правовые акты» появляется впервые при анализе нормативных предписаний XVIII века⁵. Есть исследователи, которые вообще не используют этот термин при анализе источников дореволюционного права⁶. Характеризуя деятельность органов власти, результатом которой были нормативные предписания, они ограничиваются терминами «закон», «законодательство». Причину этого можно найти в происхождении и особенностях писаного права.

И.А. Малиновский, констатируя медленную и постепенную замену обычаев законами, усматривает последние уже в древний период (в XI-XIII вв.) в виде в виде княжеских уставов – Владимира, Ярослава Мудрого, его сыновей, а также правивших после них⁷. Вместе с тем историк права обращает внимание на их специфику – первоначально княжеские законы («уставы», «уроки») «не имели, вероятно, письменной формы; подобно обычаям, они сохранялись в памяти. Затем законы облекаются в форму письменного акта. Такие письменные акты называются грамотами (от греческого слова письма)»⁸.

О сходстве обычаев и законов пишут и авторы монографии об источниках права X-XV веков: «Законодательные источники права и обычное право изначально – и в течение нескольких первых веков развития русского права – очень близки друг другу и малоотличимы. Закон в период X-XV вв. обычно представляет собой санкционированный верховной властью обычай, а крупнейшие памятники права являются записями обычного права»⁹.

Поскольку писаное право в течение длительного времени находилось в стадии становления, не было отдифференцировано от неписаного, правовых обычаев, использование термина «нормативно-правовой акт» в отношении содержащих нормы права княжеских предписаний в известной степени условно.

Однако условность налицо и в отношении терминов «закон» и «законодательство», хотя «в источниках, – и довольно ранних, упоминается уже и о законе»¹⁰. Термин «закон русский» присутствует в договорах Руси с Византией¹¹. Но, как пишет О.И. Чистяков, вряд ли в них слово «закон» можно понимать в прямом, современном смысле. «Скорее здесь имелась в виду просто правовая система, русские обычаи и т.п., но не писанный закон. Во всяком случае, до нас не дошло не только какого-либо писаного закона, но даже упоминание о конкретном законе до X века»¹².

О.И. Чистяков считает заслугой Б.Д. Грекова, автора капитального труда «Киевская Русь» (1953), признание того, что слово «закон» древнерусского происхождения¹³. Но как быть с тем, что этот термин, фигурирующий в межгосударственном праве – договорах Руси с Византией – как «законрусский» и «закон греческий» – отсутствует во внутригосударственном праве в виде княжеских предписаний?

Любопытное объяснение этому дают авторы уже упоминавшейся монографии об источниках русского права X-XIII веков. Отождествляя древнерусский закон и обычай, они считают, что акт княжеского нормотворчества в древней и средневековой Руси назывался словом «правда»: «в функциональном смысле правда представляла институт ПРАВления, используемый ПРАВИтелем для реализации собственных властных полномочий». В связи с этим утверждается, что «древнерусская правда есть не что иное, как прообраз указного (приказного) права, представляющего собой основополагающий элемент правовой системы России»¹⁴. Следует отдать должное стремлению авторов обозначить специфику отечественного права, истоки которой, по их мнению, следует искать уже в древней Руси. Но ведь авторы названного труда не отказываются от традиционного взгляда на Русскую правду как запись обычного права. К тому же надо иметь в виду и мнение о неофициальном происхождении этого памятника права¹⁵.

Лишь в московский период писаное право, именуемое исследователями обычно законом, законодательством, стало значить столько же, сколько правовой обычай. «Если в древнем периоде (в XI – XIII вв.) обычай был господствующей формой права, а законодательная деятельность только зарождалась, то во втором периоде (в XIV-XVII вв.) обычай и закон действуют как равные силы, взаимно дополняющие друг друга» – констатирует И.А.Малиновский¹⁶. Это дает возможность говорить о том, что условность при использовании терминов «закон», «законодательство», «нормативно-правовой акт» в значительной степени утрачивается.

Постановка вопроса об иерархии нормативно-правовых актов предполагает завершение процесса их становления. Но эту проблему, как уже отмечалось, исследователи решают по-разному.

Поскольку иерархию нормативно-правовых актов связывают с иерархией государственных органов, есть смысл посмотреть на субъекты правотворческой деятельности. Применительно к московскому периоду авторы уже упоминавшегося труда по истории государства и права России включают в их число московских князей, царей, Боярскую думу, Земские соборы, приказы¹⁷. Такой подход соответствует традиционному решению вопроса о правовых источниках данного периода. Примером может служить популярный учебник И.А. Исаева, где в качестве основных источников общерусского права XV – XVII вв. названы: великокняжеское (царское) законодательство (жалованные, указные, духовные грамоты и указы); «приговоры» Боярской думы; постановления земских соборов; отраслевые распоряжения приказов¹⁸.

В.И. Федосеев полагает, что уже в этот период можно говорить об актах высшей юридической силы. «Указ царя, прошедший стадию обсуждения в Боярской думе, а тем более подтвержденный приговором Боярской думы, становился актом высшей юридической силы»¹⁹.

Но монарх принимал законы вместе с Боярской думой, что не раз отмечалось историками права, в частности, И.А. Малиновским. «В древней России законы издавались князем и боярами. Старинный обычай сохраняется и в Московском государстве. Закон – это царский указ и боярский приговор»²⁰. Историк права подтверждает это ссылкой на царский судебник 1550 года, в 98 ст. которого впервые в истории русского законодательства определялся порядок принятия новых законов²¹. Согласно этой статье, новые законы должны были приниматься «с государева доклада и со всех бояр приговору»²².

Решения, принятые царем без Боярской думы или Боярской думой без царя.

И.А. Малиновский объясняет «старинным принципом одиночества». «Когда существовало между царем и боярами доброе согласие и доверие, возможны были такие односторонние действия, – констатирует он, – ибо предполагалось молчаливое согласие другой стороны»²³.

С.И. Штамм, комментируя ст. 89 Судебника 1550 года, обращает внимание на порожденный ее содержанием спор по поводу субъектов законодательной власти, на концепцию дуализма данной власти, сторонниками которой были такие историки права, как В.И. Сергеевич, А.Н. Филиппов, М.Ф. Владимирский – Буданов²⁴. Приверженцы такого подхода имеются и среди современных исследователей – например, В.А. Рогов. Констатируя законодательные установления («приговоры») Боярской думы по важнейшим делам, он, как и И.А. Малиновский, обращает внимание на принцип «одиночества». «Формально монарх мог не принимать во внимание решения Думы, – пишет исследователь, – но чаще всего добивались единогласия»²⁵.

Соборная практика позволяет говорить даже о «триединстве» законодательной деятельности. Это подтверждается историческими источниками, в том числе правовыми – например, преамбулой Соборного уложения 1649 года²⁶. На «триединность» законодательной деятельности указывают исследователи, в частности, И.А. Малиновский: «в Москве законы издаются царем и Боярской думой или земским собором, в состав которого входят – царь, Боярская дума и земские люди»²⁷. Акты избрания на царство и принятые в период междоцарствия можно считать исключением из этого правила. Нелишне отметить, что решения нормативного характера, по подсчетам исследователей, принимались земскими соборами нечасто²⁸. Следовательно, анализ субъектов правотворческой деятельности – монарха, Боярской думы, земских соборов и результатов таковой говорят скорее об одном и том же законодательном уровне.

Что же касается источников права, связанных с приказной деятельностью, то они не случайно именуются Указными книгами приказов. Последние возникли как включавшие указы верховной власти по вопросам, которые не были урегулированы в Судебнике 1550 года и касались их деятельности. «Указы, известные под наименованием дополнительных к Судебнику (1550 года – Е.К.), – говорится в монографии о развитии русского права в XV – первой половине XVII в., – в соответствии с их ведомственной принадлежностью рассылались в различные приказы, где записывались в особые книги»²⁹.

Правда, авторы этого издания отмечают, что «закон мог быть сообщен как в устной форме (в этом случае приказу надлежало самому привести его в письменную догматическую форму), так и в письменной, после чего его приписывали в соответствии со ст. 98 Судебника к последнему в качестве дополнительной статьи»³⁰. Но можно считать это свидетельством правотворческой деятельности приказов? Другое дело, что «указы, принятые с соблюдением установленного порядка («царь сказал, бояре приговорили»), стали в московский период наиболее многочисленным видом законодательных актов»³¹.

Авторы монографии об источниках русского права X-XVIII веков, отмечая активизацию законодательной деятельности в период перехода к абсолютизму, исходят из того, что в XVIII столетии «четко выраженного законодательного органа не существовало, все функции замыкал на себе монарх»³². Соглашаясь с этим, следует заметить, что «четко выраженного законодательного органа» не было и не могло быть и в предыдущие периоды.

Исследователи – как использующие, так и не использующие термин «нормативно-правовой акт» применительно к дореволюционному (дооктябрьскому) праву, признают, начиная с XVIII века, преобладание писаного права. «Для системы правовых источников в целом в данный период (XVIII в. – Е.К.) было характерным очевидное преобладание законодательной формы над судебной практикой и, особенно, обычаем»³³. Это доминирование было связано с различными факторами – и вопрос, являлось ли становление абсолютной монархии среди них решающим. Здесь, наверное, надо иметь в виду и перманентное усиление роли государства в жизни русского общества.

Анализ законодательства XVIII века позволяет трактовать доминирование законодательной формы и как свидетельство иерархии правовых источников.

В Воинском Артикуле Петра I 1715 года ряд статей не случайно сопровождается толкованием законодателя³⁴. Его Указ 17 апреля 1722 года допускал лишь толкование, утвержденное и подписанное главой государства. Сенат мог толковать законы только в случае отсутствия царя. Условием присоединения такого толкования к тексту закона также было утверждение монархом³⁵.

Наиболее распространенной формой закона в XVIII веке стали, по мнению исследователей, указы, регулировавшие отдельные стороны жизни общества³⁶. При этом Е.А. Юртаева считает царский, а позднее – императорский указ начала XVIII в. не только главным, но и, по существу, единственным видовым образцом нормативно-правового (законодательного) акта³⁷. В связи с этим возникает вопрос о соотношении его с нормативно-правовыми актами верховной власти, которые носили другие наименования – манифест, уложение, учреждение, устав, грамота, регламент, инструкция, наказ. Уже дореволюционные исследователи – тот же И.А. Малиновский³⁸, А.С. Алексеев – пришли к выводу, что все это были формы законов. Между последними, по выражению А.С. Алексеева, «нет возможности провести какую-нибудь и сколько-нибудь точную юридическую черту»³⁹. Разные названия объясняются состоянием юридической терминологии того времени, не отличавшейся «особенною устойчивостью и определенностью»⁴⁰. Следовательно, основания для признания разной юридической силы указанных актов верховной власти практически отсутствуют.

В поисках ответа на вопрос о точке отсчета иерархии нормативно-правовых актов есть смысл посмотреть на указы главы государства. Все предписания главы государства, которые исходили от его имени, назывались высочайшими указами. Последние касались различных вопросов и давались, как правило, на имя какого-либо учреждения или должностного лица. Высочайшие указы делились на именные и объявляемые. Именные были подписными: «издавались только от имени монарха по наиболее важным вопросам государственного значения и непременно за его подписью». Правда, именные указы могли быть направлены и на решение достаточно мелких и незначительных государственных дел⁴¹. Объявляемые были словесными (или словесно объявляемыми). Они объявлялись от имени главы государства.

Хотя именные и объявляемые указы не различались по юридической силе, в последующем это деление указов обернулось проблемой «соотнесения законодательного и подзаконного регулирования; но в качестве таковой она проявляется лишь в XIX столетии»⁴².

Деление указов на подписные и объявляемые было закреплено в Своде законов Российской империи 1832 года. Исходя из содержания статей 54 и 55, где идет речь о данных указах, Е.А. Юртаева приходит к выводу, что по

сути это было деление нормативных правовых актов на законы и акты высшей государственной администрации. Свод законов обозначил законодательный уровень подписных указов и подзаконный – объявляемых. Об этом говорит и характеристика объявляемых указов в названных статьях, и круг лиц, уполномоченных на их объявление⁴³.

Известно, что проектируемое М.М. Сперанским своеобразное (с учетом российских особенностей) разделение государственной власти на ветви в XIX веке не было реализовано. Но реформа Сената и учреждение министерской системы все же говорят о движении в этом направлении. Это не могло не сказаться на правотворческой деятельности и правовых источниках.

Анализируя круг источников права первой половины XIX века, исследователи включают в число нормативно-правовых актов, помимо законов, сенатские указы (или постановления) и постановления министров, которые рассматриваются как подзаконные акты⁴⁴. Последние обозначены в законах о Сенате и министерской системе управления.

В ст. 4 Именного, данного Сенату, указа от 8 сентября 1802 г., «О правах и обязанностях Сената», говорится о Сенатских указах, которые должны были исполняться всеми, как собственные монарха⁴⁵. «Остановить Сенатские повеления» мог только глава государства или его Именной указ. Вместе с тем в ст.10 упоминалось об объявляемых указах: «Сенаторы имеют право объявлять Именные указы по роду дел изображенных в указе 1762 года».

Наличие подзаконных, собственно Сенатских нормативных актов подтверждается и тем, что начиная с 1809 года, на Сенат возлагалась обязанность издавать «Сенатские ведомости», заключающие в себе собрание высочайших и сенатских постановлений⁴⁶. Аналогично сенатским, нормативно-правовые акты министерств были двух видов: в одних объявлялись «высочайшие повеления», другие представляли акты самих министерств, где министр действовал «собственною его властью»⁴⁷.

В части II Общего учреждения министерств 25 июня 1811 года – Общем наказе министерствам – были обозначены и требования, предъявляемые непосредственно к предписаниям министра. Последние должны были носить подзаконный характер (§ 208, 260); «ограничиваться тем кругом дел, который установлен для каждого министерства» (§ 263); иметь «установленную форму» (§ 262).

Со времени появления подзаконных актов возникает проблема, которую позже, уже в условиях советского государства и права, назовут, впадая в публицистику, «разгулом подзаконных актов». По утверждению Е.А. Скрипилова, «в самодержавной России над законами главенствовали министерские циркуляры. Поэтому у М.М. Ковалевского были причины заявить, что Российская империя управлялась на твердом основании не столько законов, сколько административных распоряжений»⁴⁸.

Изменения в законодательстве об основах государственного строя в начале XX века касались, как известно, и правотворческой деятельности. В

42 статье Основных государственных законов Российской империи в редакции 23 апреля 1906 года было зафиксировано, что Российская империя «управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке»⁴⁹. Ст. 52 провозгласила верховенство закона (в смысле соотношения с другими источниками права, в том числе нормативно-правовыми актами) Теперь законы должны были приниматься Государственной думой и Государственным советом и утверждаться главой государства (ст. 7, 9,44).

Однако монарх мог принимать законы и без Государственной думы, если того требовали «чрезвычайные обстоятельства» (ст. 45). Такая мера не могла «вносить изменений ни в Основные государственные законы, ни в Учреждения Государственного совета и Государственной думы, ни в постановления о выборах в Совет или Думу». При этом возникает вопрос о юридической силе таких актов. Содержание рассматриваемой и других статей, регламентирующих законодательную деятельность, позволяет сделать вывод о равной юридической силе таких актов с другими законами.

Вместе с тем в порядке верховного управления император мог принимать, «в соответствии с законами, указы для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления» (ст.11). Данная статья, казалось бы, недвусмысленно провозглашала подзаконность таких указов монарха. Однако фактически со времени принятия Основных законов возникло и другое мнение. Его сторонники и практика исходили из приоритета ст. 10, согласно которой «власть управления во всем ее объеме принадлежит императору»; «в управлении верховном власть его действует непосредственно». Отсюда вывод, что в Основных законах власть монарха, осуществляющего государственное управление – не синоним исполнительной власти, а выражение «государственного властвования»⁵⁰. Суть последнего была изложена в ст. 4 – «императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть». Поэтому юридическая сила указов, принятых в порядке верховного управления, была такой же, как и у законов, связанных с правотворчеством Государственной думы и Государственного совета, и актов, принятых монархом в силу «чрезвычайных обстоятельств»⁵¹.

Об объявляемых указах в новой редакции Основных законов речь не шла. Но на практике такая форма актов продолжала использоваться. Как отмечает Е.А. Юртаева, ст. 11, где наряду с указами, принимаемыми главой государства в порядке верховного управления, упоминаются и его повеления, необходимые для исполнения законов, позволяет рассматривать такую практику как способ сохранения объявляемых указов⁵². Словесный указ императора, следовательно, продолжал существовать и после реформы 1906 года в виде «объявляемых повелений», при этом «фактически повеление было актом административным»⁵³.

В 10 статье говорилось о подчиненном управлении, где «определенная степень власти» передавалась «подлежащим местам и лицам», которые должны были действовать от имени монарха и «по его повелениям». Подза-

конность правотворчества таких органов и должностных лиц, их постановлений, инструкций и распоряжений устанавливала ст. 80. Данная статья указывает и на возможность других форм подзаконных актов в порядке подчиненного управления.

Новая редакция Основных законов была актом с признаками конституционного. Как и первая, данная редакция касалась основ государственного строя. Этим Основные законы отличались от других. Но вторая редакция содержала статьи, дающие основание констатировать ограничение власти главы государства в области законодательной деятельности; народное представительство в законодательном органе; права и свободы российских подданных. Теперь Основные законы отличались от других и своим содержанием, и порядком пересмотра (ст. 8, 45). Но дает ли это возможность говорить об их высшей юридической силе?

Высшая юридическая сила Основных законов в прежней редакции, определяемая кругом регулируемых отношений, была «явлением чисто номинальным», поскольку они не отличались от других законов ни особой процедурой принятия, ни особыми правовыми последствиями⁵⁴. Однако высшая юридическая сила и новой редакции Основных законов также вряд ли была реальной. Это предопределялось их известной противоречивостью. Последняя же была связана с фактом октроирования. Основанием для сомнений в реальности высшей юридической силы «октроированной конституции» может служить и то, что вопрос о проверке соответствия Основным законам так называемых «обыкновенных» не ставился⁵⁵.

Анализ становления и эволюции нормативно-правовых актов в дореволюционной России позволяет констатировать и такую их особенность, как иерархичность. Это проявлялось, в частности, в делении указов главы государства на именные и объявляемые; на именные и объявляемые указы и собственно нормативные акты Сената и министерств; на законы, принятые Государственной думой и Государственным советом и утвержденные главой государства и подзаконные акты Совета министров, министров и главноуправляющих.

Иерархия нормативно-правовых актов, в основе которой, прежде всего иерархия государственных органов, реализующих определенные функции, достаточно четко просматривается уже в период абсолютной монархии. Существенную роль в этом сыграли реформы государственного управления первой четверти XIX века.

Делению на законы и подзаконные акты с их разной юридической силой, обозначению других отличительных признаков данных нормативно-правовых актов, выявлению специфики Основных государственных законов способствовала конституционная реформа начала XX века. Однако демократическое начало государственного строя с его последовательным разделением государственной власти на ветви было, по сути, в стадии становления. Самодержавная модель власти давала о себе знать и в действующем законо-

дательстве, и, в еще большей степени, политической жизни (хрестоматийным примером чего являются события, вошедшие в историю под названием третьеиюньского переворота 1907 года). Все это свидетельствует об отсутствии необходимых условий и для реальной подзаконности актов главы государства, и для реальной (а не только номинальной) высшей юридической силы Основных законов Российской империи.

¹ См. например: Осаке К. Сравнительное правоведение: схематический комментарий. – М., 2008. – С. 40.

² Дробышевский С.А., Данцева Т.Н. Формальные источники права. – М., 2011. – С. 77.

³ Древнерусское государство и право. Под ред. Т.Е. Новицкой. – М., 1998. – С. 32.

⁴ Минникес И. В. Источники российского избирательного права // Вестник Бурятского госуниверситета. – 2011. – № 2. – С. 206.

⁵ См.: История государства и права России. Под общ. ред. Ю.В. Оспенникова. Часть I. – М., 2015. – С. 323.

⁶ См. напр.: Рогов В.А. История государства и права России IX – начала XX вв. Изд. 3-е. – М., 2006. – Раздел П.

⁷ Малиновский И.А. Лекции по истории русского права. – М., 2015. – С. 37-38.

⁸ Там же. – С. 38.

⁹ Система источников русского права X-XV веков: монография. Под общ. ред. Ю.В. Оспенникова. – Самара, 2014. – С. 11.

¹⁰ Российское законодательство X-XX веков. Законодательство Древней Руси. – Том 1. – М., 1984. – С. 19.

¹¹ Хачатуров Р.Л. Византия и Русь: государственно-правовые отношения. – Тольятти, 1999. – С. 42, 50, 51.

¹² Российское законодательство X-XX веков. Законодательство Древней Руси. – Том 1. – С. 19.

¹³ Там же. – С. 19-20.

¹⁴ Система источников русского права X-XV веков: монография. Под общ. ред. Ю.В. Оспенникова. – С. 414.

¹⁵ См., напр., об этом: История государства и права России. Под общ. ред. В.Е. Рубаника. – М., 2012. – С. 163.

¹⁶ Малиновский И.А. Указ. соч. С. 39.

¹⁷ История государства и права России. Под общ. ред. Ю.В. Оспенникова. – Часть I. – С. 176; 227.

¹⁸ Исаев И.А. История государства и права России. 4-е изд., переработанное и дополненное. – М., 2014. – С. 151.

¹⁹ См.: История государства и права России. Под общ. ред. Ю.В. Оспенникова. – Часть I. – С. 179.

²⁰ Малиновский И.А. Указ. соч. – С. 253.

- ²¹ Российское законодательство X – XX веков. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Том 2. – М., 1985. – С. 170.
- ²² Там же. – С. 120.
- ²³ Малиновский И.А. Указ. соч. – С. 254.
- ²⁴ См.: Российское законодательство X – XX веков. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Том 2. – С. 170-171.
- ²⁵ См.: Рогов В.А. Указ. соч. – С. 30.
- ²⁶ См.: Российское законодательство X-XX веков. Акты земских соборов. Том 3. – М., 1985. – С. 83-84.
- ²⁷ Малиновский И.А. Указ. соч. – С. 96-97.
- ²⁸ См.: Российское законодательство X-XX веков. Акты земских соборов. – Том 3. – С. 18.
- ²⁹ Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. – М., 1986. – С. 32-33.
- ³⁰ Там же. – С. 33.
- ³¹ История государства и права России. Под общ. ред. Ю.В. Оспенникова. – Часть I. – С. 179.
- ³² Система источников русского права X-XV веков: монография. Под общ. ред. Ю.В. Оспенникова. – С. 364.
- ³³ Там же. – С. 368.
- ³⁴ Российское законодательство X-XX веков. Законодательство периода становления абсолютизма. – Том 4. – М., 1986. – С. 327-365.
- ³⁵ См.: там же. – С. 186-188; Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. Издание второе, дополненное. – М., 1012. – С. 39-40.
- ³⁶ См. напр.: Малиновский И.А. Указ. соч. – С. 96.
- ³⁷ Юртаева Е.А. История законотворчества в России (XVIII – начало XX вв.). – М., 2012. – С. 310.
- ³⁸ Там же. – С. 96.
- ³⁹ Цит. по: Юртаева Е.А. Указ. соч. – С. 403.
- ⁴⁰ Там же. – С. 402.
- ⁴¹ Система источников русского права X-XVIII вв. Под общей редакцией Ю.В. Оспенникова. – С. 374.
- ⁴² Юртаева Е.А. Указ. соч. – С. 310.
- ⁴³ Там же. – С. 323-324.
- ⁴⁴ См.: Развитие русского права в первой половине XIX века. – М., 1994. – С. 28; Михеева И.В. Министерское правотворчество в Российской империи: роль юридической аргументации // Юридическая техника. – 2013. – № 7 (ч. 1). – С. 213-217); Михеева И.В. Правотворческая деятельность министерств Российской империи в XIX – начале XX века: Дис... д-ра юрид. наук. – Владимир, 2012.

- ⁴⁵ ПСЗ. Собрание 1. – Т. 28. – № 21605.
⁴⁶ См.: Развитие русского права в первой половине XIX века. – С. 28.
⁴⁷ Общее учреждение министерств 25 июня 1811 года, § 258 // Российское законодательство X-XX веков. Законодательство первой половины XIX века. Том 6. – М., 1988. – С. 92-134.
⁴⁸ Развитие русского права в первой половине XIX века. – С. 28.
⁴⁹ Российское законодательство X-XX веков. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. Том 9. – М., 1994. – С. 44-52.
⁵⁰ См.: Юртаева Е.А. Указ. соч. – С. 337.
⁵¹ Там же. – С. 336.
⁵² Там же. – С. 338.
⁵³ Там же. – С. 334-335.
⁵⁴ Там же. – С. 357-358.
⁵⁵ Там же. – С. 362.

Лепихова Юлия Игоревна*,
*ассистент кафедры государственного и административного права
ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет»
(г. Самара)*

О ПОНЯТИЯХ «PRIVACY» И «ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ» В МЕЖДУНАРОДНОМ И ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВЕ

Реальные права человека – это индикатор уровня демократии, гуманизма, экономического развития человеческого общества и отдельных его частей в особенности.

Неприкосновенность частной жизни в юридической науке считается одним из таких прав. Однако содержание неприкосновенности в различных странах понимается по-своему, при этом следует отметить, что понятие неприкосновенности частной жизни привнесено в отечественную правовую науку и практику, впоследствии видоизменено правоприменением под сложившиеся в нашей стране социальные, политические и правовые отношения.

В международном праве неприкосновенности частной жизни примерно соответствует понятие «прайвеси» (*privacy*). Данный термин не имеет адекватного аналога ни в русском языке, ни в российском праве. Под прайвеси в международном праве понимаются все те аспекты жизни человека, которые подлежат безусловной правовой охране от каких-либо посягательств извне, в том числе и со стороны государства. Прайвеси гораздо шире по содержанию, чем неприкосновенность личной жизни. Истоки прайвеси лежат в морали и

* © Лепихова Ю.И., 2015